

Е.Г. ЕНДАЛЬЦЕВА
(г. Екатеринбург, Россия)

УДК 821.161.1.3 (Чернышевский Н.Г.)
ББК Ш33(2Рос=Рус)-8,44

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ИНТЕРТЕКСТ РОМАНА Н.Г. ЧЕРНЫШЕВСКОГО «ЧТО ДЕЛАТЬ?»

Аннотация. Рассматриваются основные формы создания интертекстуального поля в романе в романе «Что делать?» (цитата, реминисценция, аллюзия). Выявляются претексты как отечественной, так и зарубежной литературы XVIII–XIX вв., обращение к которым способствует выражению авторской позиции, расширению хронологических рамок романа, углублению его нравственно-философского содержания.

Ключевые слова: интертекстуальность, Чернышевский, роман, авторская позиция.

В литературоведении последних лет активизировалось внимание к художественным новациям Н.Г. Чернышевского, что ведет к новым интерпретациям, нацеленным на преодоление советского идеологизированного прочтения текста «Что делать?». Переосмысление обострило, казалось бы, уже решенные вопросы о специфике художественного метода, стиля, жанра романа, привело к постановке новых научных проблем. И. Паперно, одна из первых по-новому взглянувших на роман, источник оригинальности писателя увидела «в присущем его мышлению и его роману уникальном смещении и интеграции различных традиций и течений, имевших большое значение для его времени: русского православия, французского христианского социализма, эстетики реализма и остатков идеализма и романтизма» [Паперно 1996: 45]. Одним из проявлений такой интеграции стало формирование Чернышевским в романе интертекстуального поля.

Предпринятый нами обзор современного литературоведения показал, что наблюдения исследователей над отдельными проявлениями интертекстуальности (в работах И. Паперно, В. Сердюченко, М.И. Вайсман, С.А. Рейсер, П. Николаева, А. Эткинда) все же не дают целостного представления о характере и роли интертекста в романе «Что делать?». Проблема осложняется необходимостью разграничения собственно интертекстуальных связей и опоры автора на определённые традиции, сложившиеся в предшествующей ему русской и зарубежной литературе (Ж.-Ж. Руссо, А.И. Герцен, И.С. Тургенев и др.). Задействованные в произведении различные интертекстуальные формы (цитаты, аллюзии, реминисценции), позволили писателю объеди-

нить широкий спектр художественных источников в общее культурное пространство, которое становится дополнительной зоной общения автора и читателя. Мы обратились к выявлению литературного и евангельского интертекста романа «Что делать?». В рамках данной работы остановимся на первом.

Цитата как средство интертекстуальности, устанавливая связь между текстами, значительно расширяет его эстетический потенциал и образ художественного мира. Н.Г. Чернышевский активно использует цитирование, чтобы обратиться к конкретной читательской аудитории и сделать отсылку к соответствующим источникам, которые должны быть читателями опознаны. «Что делать?» изобилует цитатами, приводимыми писателем как из произведений зарубежных авторов, так и из текстов соотечественников. Большинство цитат представляют собой отрывки песен, стихов при описании времяпровождения Веры Павловны на отдыхе в кругу близких друзей, знакомых и коллег. Например: романс «Стонет сизый голубочек» на слова И.И. Дмитриева, песня Казбича («Много красавиц в аулах у нас...») из «Героя нашего времени» М.Ю. Лермонтова, «Черкесская песня» и «Песня Селима» из поэмы того же автора «Измаил-Бей», а также один из многочисленных вариантов народной песни «Ах, вы сени, мои сени». Перед публикой дама в трауре поёт небольшие отрывки романсов, которые являются неточными цитатами из стихотворения «Стансы» Томаса Гуда в переводе М. Михалкова и украинской думы про поход на поляков 1637 года [Николаев 1985: 397]. Благодаря этому читатель погружается в культурную атмосферу времени действия романа.

Во второй главе Вера Павловна напевает романс «Дело пойдёт» – французскую песню, которая пользовалась популярностью среди участников Великой французской революции [Там же: 396]. Но исследователями давно замечено, что Н.Г. Чернышевский даёт ложную цитату, поскольку приводимых им слов нет ни в одном варианте песни: «Автор романа сознательно вводит в “автопереводе” мысли, далёкие от первоисточника. Так он “цитирует” даже формулу “разумного эгоизма”: “Наше счастье невозможно без счастья других”» [Гуральник 1989: 505]; «Традиционное предположение ряда исследователей (М.Т. Пинаева, Л. Магона), будто бы Чернышевский приводит песню “в подлиннике и в переводе”, – досадная ошибка» [Рейсер 1975: 404].

Большое значение интертекст приобретает, безусловно, в создании мира снов героини, расширяя ассоциативный фон. Например, в третьем сне Веры Павловны приводится отрывок из стихотворения А.С. Пушкина «Адели»: «Час наслажденья Лови, лови; молодые лета Отдай любви...» (первая строка воспроизведена неточно: у Пушкина –

«Час упоенья...»). В четвёртом сне цитируются строчки из песни Маргариты в «Фаусте» И.В. Гёте в переводе Э. Губерта («И сладкие речи, Как говор струй; Его улыбка И поцелуй...»), «Майской песни» И.В. Гёте и стихотворения Ф. Шиллера «Четыре века» («Wie herrlich leuchtet Mir die Natur! Wie glanz die Sonne! Wie leuchtet die Flur!») [Николаев 1985: 397], а также «Русской песни» Кольцова («Милый друг! Погаси Поцелуй твои: И без них при тебе Огонь пылает в крови...»). Здесь же Н.Г. Чернышевский приводит «одно из своих любимых стихотворений» А.В. Кольцова «Бегство», которое не раз упоминал в своих критических статьях («Будем жить с тобой по-пански... Эти люди нам друзья, – Что твоей душе угодно, Всё добуду с ними я!») [Рейсер 1975: 405].

В эпизоде импровизированного выступления дамы в трауре автор приводит несколько цитат из поэмы В. Скотта «Рокби» в переводе К. Павловой: «Красив Брингала брег крутой, И зелен лес кругом; Мне с другом там приют дневной – Милей, чем отчий дом...». Исследователь С.А. Рейсер утверждает, что музыкальные переложения данной поэмы неизвестны. «Вполне возможно, что неточность в цитировании “Опасна будет жизнь моя...” вместо “Безвестна...” сознательна: в прикровенной форме Чернышевский передаёт свой разговор 1853 г. с невестой (Ольгой Сократовной – “дамой в трауре”), предупреждавший её об опасностях его жизни, посвящённой революционной борьбе» [Там же].

Из всех «собственно интертекстуальных элементов» аллюзии используются Н.Г. Чернышевским чаще других. Особое место в размышлениях автора занимали исторические события и культура Америки XIX века. Н.Г. Чернышевский, как и многие его современники, использует в тексте произведения аллюзии на американскую литературу и отсылает к американским реалиям. Так, Бьемонт-Лопухов, один из представителей «новых людей», преображается после поездки в Америку: в его характере усиливаются такие черты, как смелость, чувство собственного достоинства, активность – все эти качества, по наблюдениям А.А. Арустамовой, воплощают «стереотипные представления русских об американском национальном характере» [Арустамова 2010: 44]. Также повествователь указывает на то, что и Рахметов собирался вскоре посетить эту страну. «Для Чернышевского “заокеанский мир” – символ деятельной жизни, справедливого социального устройства», – пишет А.А. Арустамова. Исследователь обращается к изучению способов включения «американских» мифологем в художественную систему произведений и показывает различие семантики этих мотивов и образов в творчестве разных писателей на протяжении

всего XIX века [Там же]. Хотя русские крестьяне были освобождены раньше американских рабов, Гражданская война в Америке вызвала огромный интерес в России. В одном из отступлений романа Н.Г. Чернышевский подробно описывает темы разговоров девушек в мастерской: «Тут же несколько девушек участвуют в этом разговоре обо всём на свете – и о том, как хорошо арабские сказки “Тысяча и одна ночь”... и о белых слонах, которых так уважают в Индии, как у нас многие любят белых кошек: половина компании находит, что это безвкусие, – белые слоны, кошки, лошади – всё это альбиносы, болезненная порода, по глазам у них видно, что они не имеют такого отличного здоровья, как цветные; другая половина компании отстаивает белых кошек» [Чернышевский 1989: 202]. С.А. Рейсер отмечает, что за этими незначительными на первый взгляд строками скрывается политический смысл, хорошо понятный современникам писателя: противопоставление «белых» и «чёрных», то есть негров-невольников.

Смысл этого небольшого эпизода становится еще более понятным в результате последующего разговора об авторе «Хижина дяди Тома» – Гарриет Бичер-Стоу, американской писательнице, роман которой в первый же год после выхода разошелся в количестве 350 000 экземпляров и был переведен на 20 языков. Перевод романа на русский язык был одним из немаловажных факторов в борьбе с доживавшим свой век крепостным правом. Замечено, что Чернышевский очень ценил роман Бичер-Стоу и не раз на него ссылался [Рейсер 1975: 400]. Таким образом, аллюзия к тексту популярного в России романа «Хижина дяди Тома» усиливает антикрепостнические мотивы произведения. Здесь же упоминается и англичанин Джон Говард, «который был почти такой же человек, как г-жа Бичер-Стоу» [Чернышевский 1989: 202], известный филантроп, много сделавший для улучшения тюремного быта.

О значении Америки для Чернышевского пишет и А. Эткинд как об образце «социального прогресса, основанного на знании и Просвещении», примере «освобождения рабов и победоносной Гражданской войны», модели, предлагаемой писателем для демократической России. Эта осведомленность Чернышевского в американских реалиях отразилась и в его обильной публицистике: «Написав немало, трезво и компетентно о рабовладении и Гражданской войне, более интимные свои чувства Чернышевский воплотил в своем знаменитом романе» [Эткинд 2001: 199]. Действительно, Н.Г. Чернышевский упоминает в «Что делать?» Гражданскую войну в северо-западной части Северной Америки в штате Канзас 1851–1856 и 1861–1865 годов, которая «явилась прелюдией войны между Севером и югом за освобождение негров-рабов» [Чернышевский 1989: 333]. Писатель ещё в «Современ-

нике» 1861 года выражал сочувствие и писал о последствиях этой войны для революционных событий в Европе, а именно, что «кризис, переживаемый Северной Америкой, не может не оказать сильного влияния на судьбы цивилизованного света». При этом имелось в виду, в частности, значительное развитие антикрепостнического движения в России [Гуральник 1989: 506].

Отсылку к Америке А. Эткинд видит и в апогее романа – четвертом сне Веры Павловны, воплощающем образ мечты всего человечества. А. Эткинд утверждает, что описанные автором реки на северо-востоке – это Миссисипи и Миссури, широкий залив на юго-востоке от них – Мексиканский залив, узкий залив и перешеек на западе – Калифорнийские залив и полуостров. «Вера Павловна со своим гидом, русской царицей, находятся где-то в Канзасе; русские люди расширяют границы Штатов на Юг, в Техас и в Мексику... Не библейская Палестина, а американские Штаты становятся местом новых чаяний. Русская идея осуществляется на американском Юге. Как положено в утопии, временная координата сплющивается и застывает на месте; времени больше не будет, сказано по этому поводу еще в Апокалипсисе. Зато пространство расширяется и раскрывается, и география приобретает небывало замысловатые значения» [Эткинд 2001: 199].

Точку зрения А. Эткинда поддерживает В. Сердюченко, не соглашаясь соответственно с позицией И. Паперно, которая считает, что Вера Павловна стоит на горе Синай, а смотрит на долину Тигра и Евфрата, библейский Эдем [Паперно 1996: 177]. Известно, что гора Синай была упомянута Н.Г. Чернышевским в черновом варианте романа, но в ходе работы прямые географические указания заменились словесной картой, не содержащей точных названий, что привело к существующей дискуссии. В. Сердюченко полагает, что образу Синайской пустыни не соответствуют ни взятый масштаб, ни многие подробности, которые щедро сообщает автор: «Ход истории по кругу, из Синай в Синай, менее всего интересовал Чернышевского. Он писал свой роман в тюрьме, а в Америке шла война между Севером и Югом, чрезвычайно его занимавшая. Поместить русскую колонию на еще не покоренном Юге было выгодно с политической, но опасно с цензурной точки зрения; Синай был опробован в качестве компромисса, но не устроил автора...». Воспроизведя историю утопий, Чернышевский «начал эту конструкцию библейским Эдемом, а кончил ее русской Калифорнией» [Сердюченко 1999: 100].

Образ-мечта четвертого сна Веры Павловны вбирает в себя и впечатления автора, вызванные современными реальными достижениями человечества. Например, это всем известный дворец, стоящий на

Сайденгамском холме. Сайденгам – это северная часть Лондона, где в 1851 году происходила Всемирная выставка, одной из достопримечательностей которой был Хрустальный дворец из стекла и металла, с зимним садом. И во время пребывания в Лондоне в 1859 году Чернышевский не мог не видеть этот дворец [Николаев 1985: 398].

В роман Чернышевского входит и английская литература. Так, М.И. Вайсман, сравнивая роман о «новых людях» с его предшественником «Калемом Вильямсом» У. Годвина, справедливо утверждает, что «следует принимать во внимание два важных историко-литературных факта: во-первых, сходство исторических ситуаций, в которых создавались эти произведения, и, во-вторых, изменения, произошедшие в результате развития романного жанра в течение тех семидесяти лет, что разделяют даты написания двух романов... Беря в качестве образца “Калем Вильямс”, “роман без любви”, Чернышевский ориентировался на одну из главных особенностей таланта его автора – умение частной историей проиллюстрировать общественный и политический кризис» [Вайсман 2010: 107]. Таким образом, собственные произведения для обоих авторов явились идеологическим оружием в борьбе против существующей системы. Также неслучайно оба романа тесно связаны с библейскими текстами.

Вымышленные герои Чернышевского живут в реальной культурной среде. Они осведомлены о литературной, музыкальной жизни общества не меньше, чем современники, читающие «Что делать?». Произведение насыщено множеством отсылок к реально существовавшим личностям: историки Т. Маколей, Ф. Гизо, А. Тьер, Л. Ранке, Г. Гервинус; крупнейшие политэкономы А. Смит, Т. Мальтус, Д. Рикардо и Д.-С. Милль; М.-Ж. Лафайет – деятель Великой французской буржуазной революции 1789 года и освободительной войны северной Америки против Англии в XVIII веке, впоследствии ставший сторонником реставрации монархии во Франции; Р. Оуэн – социалист-утопист, один из предшественников марксизма. Имена этих крупных фигур своего времени вовлекаются в диалоги героев, что не только показывает уровень их образованности, но и проблематизирует роман, расширяя границы размышлений автора и читателя.

Как известно, в художественном воплощении своих социально-философских взглядов в романе Чернышевский неоднократно апеллирует к теории Ю. Либиха. Во втором сне Веры Павловны о пользе тепла, воздуха и умеренной влажности для произрастания растений и роли химических элементов для повышения плодородности почвы рассказывается на примере новейшего на тот момент исследования Ю. Либиха «Химия в приложении к земледелию и физиологии», сде-

лавшего решающий шаг от прежнего естествознания (философии природы) к химии в качестве самостоятельной научной дисциплины, вооруженной собственными методами исследования. В романе читаем: «Труд представляется в антропологическом анализе коренною формою движения, дающею основание и содержание всем другим формам: развлечению, отдыху, забаве, веселью; они без предшествующего труда не имеют реальности. А без движения нет жизни, то есть реальности, потому что эта грязь фантастическая, то есть гнилая. До недавнего времени не знали, как возвращать здоровье таким полянам; но теперь открыто средство; это – дренаж: лишняя вода сбегает по канавам, остаётся воды сколько нужно, и она движется, и поляна получает реальность...» [Чернышевский 1989: 145]. За образами «дренажа» – быстрого химического устранения с поля излишков влаги стоят всё та же «революция» и «реформа» [Николаев 1985: 398].

Осмысление Чернышевским проблем современности и героя своего времени также не могло обойтись без отсылок к отечественной, а еще более к зарубежной литературе. С первых страниц перед читателем предстают аллюзии на произведения А.С. Пушкина («Евгений Онегин»): «Ваш великий поэт... сказал, что в целой России нет пяти пар маленьких и стройных ног», П. Корнеля: «Ездил повсюду при Жюли, вроде наперсницы корнелевской героини», Жорж Санд: «Но она не воображала себя ни Лелелиею, ни Индианою, ни Кавальканти, ни даже Консуэло, она в своих мечтах была Жанною, но чаще всего Женевьевою...», Ч. Диккенса и других [Чернышевский 1989: 11, 19, 156]. Жорж Санд и Чарльз Диккенс были любимыми авторами Чернышевского в течение всей его жизни, близкими ему демократическим характером творчества и острой постановкой социальных проблем (а Жорж Санд – еще и проблемой женского равноправия). Известно, что произведения обоих писателей были у него даже в Петрепавловской крепости. Ю.М. Стеклов еще в 1928 году высказал предположение, что образцом при создании «Что делать?» для Чернышевского служил роман Ч. Диккенса «Наш общий друг» [Стеклов 1928: 203]. По наблюдениям С.А. Рейсер, Чернышевским учитывался и роман Жорж Санд «Жак». Не случайно писатель говорил, что Жорж Санд «имела на развитие литературное и общественное более влияния, нежели какой бы то ни было другой поэт со времени Байрона» [Рейсер 1975: 404].

В романе Чернышевского можно найти отсылки не только к классикам, но и к массовой литературе. Так, например, Лопухов читает книгу «Хроника овального дня» французского писателя Г. Тушар-Лафоса, написанную в 30-е годы XIX века. Кроме того, она сравнивается со знаменитым романом Ж.-Б. Лувре де Кувре «Любовные похож-

дения кавалера де Флобаса». Книга, описывавшая скандальные эпизоды из быта двора от Людовика XIII до XVI, долго пользовалась огромной популярностью. Исследователи полагают, что Чернышевский мог читать первое издание 1830–1832 годов или одно из переизданий 1832, 1845 и 1855 годов [Там же]. Эти отсылки помогали автору играть с литературными стереотипами читательской публики, выстроить линию внешнего сюжета романа и выразить ироническую позицию автора относительно популярных любовных романов.

В книге Н.Г. Чернышевского есть аллюзии на романы, которые по цензурным причинам не могли упоминаться прямо, и автор прибегал к завуалированному описанию, которое бы считывалось публикой. Во второй главе Лопухов приносит Верочке «учёные книги» (Там же: 45), в которых некоторые исследователи увидели, например, произведение В. Консидерана «Судьба общества», написанное в 1838 году, где описывается учение о фаланстерах – свободных трудовых объединениях как формах перехода к социалистическому обществу. Продолжая комментарий П.А. Николаева, С.А. Рейсер отмечает: «Написанное по-французски заглавие малограмотная Марья Алексеевна читает, частично подставляя похожие русские буквы, как “Гостиная” (оригинальное название – “Destinee”). Книгу Консидерана Чернышевский знал уже в июне 1849 года, когда упомянул в дневнике об отдаче Консидерана под суд. Эту очень ценную им работу Чернышевский в 1864 году рекомендовал ссыльным полякам в Тобольске» [Там же: 410].

Не упоминается прямо и книга великого немецкого философа Л. Фейербаха «Лекции о сущности религии». Цензурой в то время было запрещено называть имя мыслителя в печати. В романе Н.Г. Чернышевский называет его «отцом новой философии». «В представлении плохо знавшего немецкий язык и невежественного Михаила Ивановича Людвиг отождествлялся с французским королем Людовиком XIV, которого он считает отцом Наполеона III; в действительности Наполеон III был сыном голландского короля Людовика-Бонапарта, брата Наполеона I» [Там же]. Известно, что по цензурным соображениям Н.Г. Чернышевский сознательно «подтверждает» ошибку Марьи Алексеевны относительно авторства Людовика XIV.

Благодаря литературным аллюзиям в романе «Что делать?» создаётся контекст, который вмещает в себе всё, что волновало умы современников эпохи. Современный читатель проникался духом времени, по-новому оценивая уже знакомые проблемы общества через призму истории и литературы.

Осмысление Н.Г. Чернышевским проблем социального устройства, политических и экономических событий в мире, а также новой

эстетики отразились задолго до написания романа в публицистике автора. Поэтому писатель часто использует реминисценции, отсылая читателя к абстрактным образам или воспоминаниям, нашедшим своё отражение в собственном творчестве. Прежде всего, в обширном труде «Очерки гоголевского периода русской литературы», напечатанном в «Современнике» в 1855 году. Н.Г. Чернышевский неоднократно пишет о важной роли публики в развитии русской литературы: «выразите непреклонную волю вашу, чтобы она развивалась, и только тогда будет она иметь возможность развиваться... Литература может вызывать публику к умственной деятельности, но не может ни заменить собою публику, ни существовать без поддержки со стороны публики» [Чернышевский 1974: 77]. Тем не менее, писатель осознаёт «неоднородность читательской массы, причем не только социальную, но и по вкусам, по уровню интеллектуального развития внутри одного и того же слоя» [Виноградов 1990: 138]. Эти свои размышления автор продолжил и в романе, предлагая в одном из отступлений классификацию различных групп читателей. Несмотря на незрелость основной «читательской публики», игру с «проницательным читателем», автор всё же рассчитывает на то, что «идеальный читатель» сумеет считать все цитаты, аллюзии, реминисценции и понять их предназначение в тексте.

И.В. Кондаков писал: «Идеи, облеченные в романную форму, выглядят гораздо яснее, глубже, многозначное и ближе любому читателю, чем теоретические построения, явленные в философских трактатах, в философско-, экономико- и политико-публицистических статьях того же автора» [Кондаков 1990: 72]. В художественном творчестве Чернышевский остался верен особенностям своего мировоззрения, смело экспериментируя с литературными формами.

Итак, в романе Н.Г. Чернышевского представлена широкая палитра интертекстуальности в различных формах. Цитаты, прямо указывающие на претекст, аллюзии, отсылающие читателя к фактам литературы, а также реминисценции, иносказательно указывающие на источники, которые оказали значительное влияние на автора при создании произведения, создают художественное поле, выходящее за рамки печатного текста. Интертекстуальные связи способствуют выражению авторской позиции, реализуя публицистическую функцию, позволяют расширить хронотопические рамки «Что делать?», углубить его нравственно-философское содержание, играя важнейшую жанрообразующую роль в создании философско-публицистического романа Н.Г. Чернышевского. Именно широкий интертекстуальный спектр дает сегодняшнему читателю основания для различной интерпретации произведения.

ЛИТЕРАТУРА

- Арустамова А.А.* Русско-американский диалог XIX века: автореф. дис... докт. филол. наук: (14. 02. 2010). – Пермь, 2010.
- Вайсман М.И.* Проблемы освещения романа Н.Г. Чернышевского «Что делать?» в научной и критической литературе (1863–2010). URL: <http://www.gfr.psu.ru/archive/3.2011/viseman.pdf> (дата обращения: 16.04.2013).
- Вайсман М.И.* «Что делать?» Н.Г. Чернышевского и «Калед Вильямс» У. Годвина: типологические параллели // Вестник Пермского университета. – 2010. – № 5 (11). – С. 104–110.
- Виноградов К.В., Елизаветина Г.Г.* Представление о читателе в демократической критике шестидесятых годов // «Что делать?» Н.Г. Чернышевского. Историко-функциональное исследование / под. ред. К.Н. Ломунова. – М.: Наука, 1990. С. 125–163.
- Гуральник У.* Примечания к роману «Что делать?» // Чернышевский Н.Г. Что делать? – М.: Худож. литература, 1989. С. 500–525.
- Кондаков И.В.* «Что делать?» как философско-интеллектуальный роман (к диалектике сознания и самосознания становящегося жанра) // «Что делать?» Н.Г. Чернышевского. Историко-функциональное исследование. С. 163–172.
- Николаев П.А.* Примечания к роману «Что делать?» // Чернышевский Н.Г. Что делать? – М.: Худож. литература, 1985. С. 350–363.
- Николаев П.А.* «...Чтобы читали все...» // «Что делать?» Н.Г. Чернышевского: Историко-функциональное исследование. С. 10–25.
- Паперно И.* Николай Чернышевский – человек эпохи реализма. – М.: Худож. литература, 1996.
- Рейсер С.А.* Некоторые проблемы изучения романа «Что делать?» // Чернышевский Н.Г. Что делать? – Л.: Литературные памятники, 1975. С. 440–499.
- Сердюченко В.* Достоевский и Чернышевский. Единство крайностей. – М.: Львов, 1999.
- Сердюченко В.* Футурология Достоевского и Чернышевского. Князь Мышкин и Рахметов как ипостаси Христа // Вопросы литературы. – 2004. – № 5. – С. 25–32.
- Стеклов Ю.М.* Н.Г. Чернышевский. Его жизнь и деятельность. 1828–1889. – М.; Л.: Гос. издательство, 1928. Т. I.
- Чернышевский Н.Г.* Собрание сочинений: в 5 т. – М.: Правда, 1974. Т. 3.
- Чернышевский Н.Г.* Что делать? – М.: Худож. литература, 1989.
- Эткинд А.* Толкование путешествий. Россия и Америка в травелогах и интертекстах. – М.: Новое литературное обозрение, 2001.

© Ендальцева Е.Г., 2013